

Медиаюрист Галина Арапова: «Ужесточение законодательства в сфере СМИ — это катастрофа».

В рамках медиафорума для журналистов, который прошёл в Воронеже, состоялся семинар директора «Центра защиты прав СМИ», известного практикующего медиаюриста Галины Араповой. Тема разговора касалась не только изменения работы журналистов в связи с ужесточением законодательства в области массмедиа, но и в целом была посвящена новым правовым рискам общения в соцсетях. Мы публикуем основные тезисы выступления медиаюриста, которые будут интересны всем тем, кто хоть раз опубликовал пост в соцсети. Из текста вы узнаете, что теперь за призыв вернуть Крым можно получить 5 лет, материться в СМИ безопасно только на иностранном языке, за распространение неточной или порочащей информации - можно требовать удалять материал с сайта и уничтожать тираж газеты без какой-либо компенсации, а за отрицание или искажения сути патриотизма ваш сайт предлагают блокировать.

В самом начале Галина скорректировала тему: «Я буду говорить не об изменениях в Законе о СМИ, — сказала она, — а об изменениях в российском законодательстве в сфере СМИ и сфере распространения информации. Это большая разница. Разговор пойдёт в целом о регулировании работы журналистов и блогеров в СМИ и интернете, и о современных методах продвижения в интернете. Лучше быть предупреждённым, чем потом мучительно пытаться выкарабкаться из какой-то конфликтной и сложной ситуации.

«Такого жёсткого регулирования массмедиа, как за последние два года, я не видела с момента принятия Закона РФ о СМИ»

— Тенденция ужесточения законодательства в сфере СМИ началась два с половиной года назад. По оценке медиаюристов, то, что мы наблюдаем, — катастрофа. Я занимаюсь медиаправом 18 лет, и такого жёсткого подхода к регулированию массмедиа, как за последние два года, не было никогда. Ни в «лихие девяностые, ни в сложные «двухтысячные». У меня создаётся ощущение, что у Государственной думы нет других проблем, кроме как регулировать, о чём, кому и в какой форме писать в СМИ.

Мы, юристы, по большому счёту даже не успеваем отреагировать на тот или иной законопроект. Нам не дают на это времени. Многие законопроекты сегодня подаются, на следующей неделе принимаются, а еще через две стремительно подписываются Президентом. И, когда закон вступает в силу, мы оказываемся поставленными перед фактом новых правил игры.

Многие законы, о которых мы сегодня будем говорить, были приняты именно так. Ни у вас, журналистов, ни у нас, медиаюристов, не было возможности отреагировать на стадии разработки, высказать свое мнение, представить свои замечания и предложения. Единственное, на что мы все вместе смогли повлиять, это поправки в Гражданский кодекс о неприкосновенности частной жизни. Законодатели пытались продвинуть шесть позиций, три из них мы успешно отбили.

Например, хотели запретить писать о фактах биографии физлица в целом, о его участии в судопроизводстве. Если бы эти позиции прошли, то о людях можно было бы вообще перестать писать, только о каких-то общемировых концепциях, а судебный репортаж умер бы как жанр.

В целом, картина очень печальная. Всё, что можно делать сегодня, это страховать от рисков. И, конечно, максимально использовать все возможности интернета, но понимать, кто и за что отвечает. Я

вам приведу несколько примеров того, как редакторы, к сожалению, оказались не готовы к новым условиям работы.

5 лет за призыв вернуть Крым Украине

— Регулирование СМИ идёт с нескольких сторон: содержания (регулируется контент) и формы подачи (что говорит, как говорит), субъекта (кто говорит, о ком говорит).

Начнём с контента. В Уголовный Кодекс введена ответственность за содержание высказываний, связанных с оценкой политических, общественных событий и государственной политики в целом. Речь о сепаратизме (введено) и патриотизме (в разработке). Полномочия контроля за работой СМИ и распространением информации в Интернете возложены на Роскомнадзор.

Статья за сепаратизм появилась в мае этого года, её ещё ни разу не успели применить, тем не менее в начале июля её ужесточили. Срок лишения свободы увеличили с 3 до 5 лет. Таким образом, сегодня за высказывания, которые могут толковаться как призывы к сепаратизму, нарушению территориальной целостности Российской Федерации, предусмотрена уголовная ответственность до 5 лет лишения свободы.

При этом речь идёт о персональной ответственности. Опубликовал кто-то в Фейсбуке пост: «А чтобы нам не отдать Курилы Японии?» с обоснованием своего мнения - и всё, можно получить 5 лет. Однако это высказывание должно быть выражено в побудительной форме, в форме призыва.

Хочу обратить внимание, что лингвисты зачастую относят к призывам, особенно в контексте экстремизма, не только жёсткую форму побудительного предложения с восклицательным знаком на конце в тексте типа памфлета, но и мягкие увещевания к тому, чтобы навязать свою точку зрения.

Например, когда вы пишете слово «аннексия» по отношению к Крыму и используете её просто как форму несогласия с тем, что Крым стал субъектом РФ, – имеете право высказывать своё мнение и, по логике, это ещё не должно считаться сепаратизмом. Но как только вы будете высказывать мнение, пытаться убедить в своей правоте, подводя так или иначе к тому, что нужно вернуть Крым обратно Украине, — всё, есть шанс попасть до 5 лет.

То есть, сейчас предлагают этот вопрос публично вообще не обсуждать. Ни в СМИ, ни в Фейсбуке. Остаётся, как в советские времена, кухня.

За отрицание патриотизма — блокировка сайта или закрытие газеты

— Что касается патриотизма, то закон о нём ещё не принят. Но на этапе обсуждения законопроекта мы отмечаем очень странную по своей невнятности формулировку. Законодатели предлагают в ФЗ «О защите детей от информации, представляющей опасность для их здоровья и развития» установить запрет на распространение среди детей информации, искажающей или отрицающей патриотизм.

С точки зрения права, формулировки должны быть абсолютно точными, не предполагающими двусмысленности и не допускающими двоякого толкования.

Формулировки же, представленные в законопроекте, не только дают возможность двоякой трактовки, они вообще субъективны. Что является отрицанием или искажением патриотизма?

Совершенно не понятно. Какое высказывание в СМИ или соцсетях может быть признано таковым? Определения нет.

Хочу обратить внимание, что основная санкция по закону для интернет-СМИ — это блокировка ресурса, причём она возможна и в досудебном порядке.

Но не менее жёстко это может отразиться и на печатных СМИ - через такую меру воздействия как «предупреждение» по статье 4 Закона РФ о СМИ («Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации...»). Две таких «черных метки» от Роскомнадзора в течение 12 месяцев — и газета может быть закрыта.

«Фильтруй базар»

— Введён запрет на применение нецензурной лексики в СМИ. Лингвисты в голос смеются над самой формулировкой «нецензурная», потому что формально цензура запрещена Конституцией, и «нецензурной» лексики быть не может. Лингвисты называют такую лексику инвективной или обценной, грубейшая форма бранной лексики. Это 5 матерных слов и порядка двух тысяч производных от них. Но люди, которые писали этот закон, с лингвистами явно не советовались в части терминологии.

Впрочем, в целом немотивированное использование бранных слов в СМИ не красит ни автора, ни редакцию, но и введение тотального запрета на экспрессию в стиле выражения мнения — тоже не самый эффективный метод борьбы за чистоту русского языка. К тому же публичное использование неприличной лексики и ранее наказывалось в административном порядке и всегда квалифицировалось как «мелкое хулиганство» (штраф 500 рублей на того, кто выругался публично).

По сути, за использование мата в СМИ (что де-юре такое же публичное пространство как и общественное место) вполне можно было наказывать по уже имеющейся статье КоАП «мелкое хулиганство». Но новый запрет предоставил более широкие возможности для контроля над СМИ, отнеся использование «нецензурной лексики» к самым серьёзным видам нарушений, которые могут допустить СМИ, наряду с экстремизмом, оправданием терроризма, распространением рецептов наркотиков и т.д. (по ст. 4 Закона о СМИ), за что СМИ грозит закрытие (как уже было с известным онлайн-СМИ Росбалт). Вряд ли это можно признать логичным ограничением, при всём уважении к чистоте русского языка.

Факты употребления мата в печатных и электронных СМИ единичны, в основном, это касается комментариев интернет-пользователей к статьям в сетевых изданиях. А теперь и блогов, если блогер внесён в реестр и приравнен таким образом к СМИ.

С 1 августа к средствам массовой информации, как известно, приравнивали и блогеров, но только тех, у кого больше 3 тысяч посетителей в сутки. Они должны не только публиковаться под своим реальным именем, но и в целом соблюдать все ограничения, установленные для СМИ, в том числе очистить свои журналы от «нецензурных» слов.

Понятно, что найти в тексте матерное слово не сложно. Контролирующие органы используют и труд своих сотрудников, которые внимательно мониторят СМИ и блоги, и специальную программу, которая помогает делать это быстро и эффективно. Но у нас же люди творческие, они вместо мата употребят что-нибудь ещё. Возникает масса новых слов взамен известным ругательным.

Если сайт зарегистрирован как СМИ, то статус редакции, как ни странно, при всём драконовском медийном законодательстве, даёт некоторые преимущества перед «просто сайтом» или блогерской площадкой. Редакция, согласно закону, должна отреагировать на обращение Роскомнадзора в течение 24 часов — либо удалить, либо отредактировать «нецензурный» кусок. Комментарии, которые идут без премодерации, приравниваются Верховным судом к «прямому эфиру». Позиция Роскомнадзора примерно такая: «Мы понимаем, что вы могли и не видеть того, что вам накидали в комментариях, поэтому сразу не наказываем, но если слово бранное обнаружилось, то извольте навести порядок — удалите или отредактируйте».

Если вы - не СМИ, то запаса в 24 часа у вас нет, соответственно, нет ни малейшего шанса избежать наказания.

А если вы - автор этих слов, то несёте ответственность в любом случае.

«С лингвистической экспертизой не всё так просто»

Государственный орган, выносящий предупреждение СМИ за использование брани, должен быть максимально точен в своих формулировках. Журнал может считать нехорошими одни слова, а Роскомнадзор — другие, как это было в недавнем случае с «Русским репортёром».

Первое, что приходит в голову - лингвистическая экспертиза. Однако с ней не всё так просто. Есть «придворные» эксперты, есть те, которые скажут то, что вы хотите от них услышать, и есть проблема субъективной оценки. Разные лингвисты могут толковать текст по-своему.

Учить китайские матюки?

За сокращения (когда написаны первые буквы бранных слов или указана только первая буква, а на месте остальных ставится многоточие), когда не очевидно, какое слово подразумевается, Роскомнадзор наказывает.

Например, если замаскированное бранное слово из контекста становится очевидным (рифмуется). А вот использование эвфемизмов (когда меняются некоторые буквы, но слово схоже по звучанию — например «блин» или «пипец», — Роскомнадзор всё же воспринимает как попытку соблюдения закона.

Такое вот весьма субъективное и не всегда понятное применение закона. Кто-то догадался, что слово замаскировали, кто-то — нет, но тексты вычищаются придирчиво, поэтому лучше этой лексики избегать. Получается, что на практике безопаснее использовать эвфемизмы, чем ставить отточие внутри бранного слова.

Впрочем, это не самая большая проблема современных СМИ и общения в Интернете.

Если используется мат на иностранном языке, позиция Роскомнадзора такая: «Мы слова на иностранных языках не оцениваем, даже если понимаем, о чём идет речь». Поэтому формально за использование бранных слов на иностранном языке у нас не наказывают. Даже если этот язык очень похож на русский.

Например, официально украинский язык является иностранным языком на территории России, государственным языком признан русский, поэтому вряд ли можно наказать за ругань на украинском. По крайней мере, в суде нужно это можно будет привести в качестве аргумента.

Ещё один важный вопрос — гиперссылки. Роскомнадзор, а за ним и российские суды, не считает значимым, на каком именно сервере лежит текст или видео. Вы ставите ссылку на Ютуб и пишете: «Смотрите видео там». А на видео — нарушение закона, скажем экстремизм. Если вы показываете пользователю дорогу, это признается распространением.

Получается, что опасна любая гиперссылка, что, в общем-то, не логично в наш век репостов, гиперссылок и социальных сетей.

«Сейчас нам всем будет не до смеха»

Всерьёз обсуждается запрет на использование иностранных слов в СМИ. С этой инициативой уже лет десять носится Жириновский. Но в этом году впервые его инициативу всерьёз обсуждали в Госдуме. Они пытаются предложить заменить уже плотно вошедшие в лексикон иностранные слова русскими аналогами, например, всех полковников звать воеводами, а мобильные телефоны — «переносными разговорными устройствами».

И это не может не пугать.

Одно дело, когда он каждые два года предлагает этот закон, другое дело, когда законопроект всерьёз начинают обсуждать в Госдуме и направляют на доработку.

Каждые два года журналисты иронизируют по поводу этого законопроекта и возможных «масштабов разрушений» для публицистики и других жанров журналистики, но сейчас нам всем будет не до смеха. Мы находимся на грани, когда закон станет реальностью.

Сравнение с Берией или Сталиным — оскорбление или нет?

Изменился подход к применению ответственности за оскорбление. Само по себе наказание за оскорбление — «унижение чести и достоинства человека в неприличной форме» — в законе было и раньше. Два года назад отменили уголовную ответственность за оскорбление и перенесли эту статью в КОАП. Но при этом в Уголовном кодексе осталась статья 319 «Оскорбление представителя власти», которая, как правило, применялась в ситуациях, когда оскорбление обращено в адрес должностного лица, находящегося при исполнении своих обязанностей. Например, когда несдержанный гражданин, в ответ на законное требование полицейского, отказывался подчиниться и ругался в грубой и циничной форме.

Сейчас мы наблюдаем крен в практическом применении статьи по оскорблению представителя власти. Ранее «дремавшую» норму стали применять всё чаще и чаще, примеряя её на ситуации, когда журналист или блогер критикует представителя власти в связи с его работой не в момент общения с ним, а пост-фактум, в своей публикации в СМИ.

Сейчас одно из таких дел в отношении журналиста и блогера Сергея Резника рассматривается в Ростове. В прошлом году он уже был признан виновным по ряду статей, включая «оскорбление представителя власти» и уже получил полтора года лишения свободы. Сейчас ему грозит дополнительно ещё до 3 лет лишения свободы, и среди обвинений в его адрес опять целый букет его

текстов с резкими (хотя вполне в рамках приличий) выражениями в адрес сотрудников правоохранительных органов.

Использование этой нормы в таком формате против журналистов и блогеров представляет собой довольно опасную тенденцию.

Одни лингвисты считают, что оскорбительные выражения — это только неприличная по форме лексика, то есть мат, а другие относят к ним не только мат, но и сниженную и вульгарную лексику, жаргонизмы, сленг, сравнение с животными.

Например, в деле ростовского блогера пытаются признать оскорблением слово «тракторист», адресованное в адрес прокурора, употребленное в связи с его неопрятным видом.

Известный российский лингвист Анатолий Баранов считает, что оскорблением может признаваться даже сравнение с одиозными историческими персонажами. Сравнили человека с Берией или Сталиным, всё — это оскорбление.

Очевидные вещи

— Внимательный наблюдатель увидит, что в последнее время принятие подавляющего большинства законов в области массмедиа мотивировано либо политическими аспектами, либо персонифицированной обидой.

Несколько депутатов и влиятельных лиц обиделось на журналистские и блогерские расследования — в результате мы получили статью 152.2 в Гражданском кодексе о частной жизни.

Начались в интернете публикации о протестных акциях — и тут же изменилось законодательство о митингах и демонстрациях, появилась внесудебная блокировка сайтов за призывы к участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка и т.д.

Это очевидные вещи. Они видны невооружённым взглядом.

«Мы несём ответственность за лайки и перепосты»

Сейчас многие редакции создают группы своего СМИ в разных соцсетях для продвижения. Это здорово для привлечения новых читателей, однако правовые проблемы не решены.

Проблемы следующие.

Первая: кому принадлежит группа в соцсети? Редакция де-юре не может зарегистрировать на себя группу, это всегда делает частное лицо, сисадмин или какой-то другой сотрудник редакции.

С правовой точки зрения он и является администратором группы, контролирующим публикации в ней, он может принять решение оставить или удалить их. В случае если комментарии будут содержать мат или оскорбление, чужие персональные данные, экстремизм — ответственность за это будет нести и автор, и администратор группы, потому что способствовал распространению. Если есть несколько администраторов, то нужно выяснять, кто во время публикации отвечал за администрирование группы, и как будет на практике решаться этот вопрос, пока не известно.

Вторая: что такое репост в соцсети с правовой точки зрения? Это перепечатка материала. У СМИ есть освобождение от ответственности за перепечатку из других СМИ (57 статья Закона о СМИ). Однако на соцсети это не распространяется. Репост в таком случае – это просто следующий этап распространения информации.

Всё, что мы лайкаем или репостим, считается распространением информации. Наши правоохранительные органы и суды не делают различий между тем, кто писал и тем, что распространил. Если после нашего лайка публикация отображается в ленте наших друзей в качестве "рекомендации прочитать", по факту уже есть судебные дела, когда это было признано распространением спорной публикации. В Челябинске историка, исследователя «украинского конфликта» привлекли к уголовной ответственности за репост заявления «Правого сектора». Поэтому если хотите чем-то поделиться с друзьями, привлечь их внимание к той или иной публикации в соцсетях, – помните о рисках. Либо меняйте настройки своей страницы в соцсети и держите свое мнение при себе.

С точки зрения нашей правоохранительной и судебной системы, все люди в цепочке, которые сделали репосты, несут одинаковую ответственность. Комментатор – за то, что это написал, администратор – за то, что не удалил. Причём не важно, поддерживаете ли вы высказывание в сообщении (авторском посте или тексте по ссылке) который репостите, или нет. Вы можете сделать перепост, и ничего от себя не написать, не выразить своей поддержки или критики. Скажем, вы даёте ссылку на экстремистский текст. Даже если вы напишете «я не согласен», вы будете считаться распространителем этой информации и нести ответственность.

И поэтому возникает вопрос – какую информацию СМИ может безопасно публиковать в своих группах в соцсетях?

В соцсетях нет кнопки «не нравится». Поэтому, когда пользователи лайкают тот или иной текст, это не всегда означает, лайк может обозначать как выражение согласия, поддержки, так и просто привлечение внимания к публикации и даже несогласия с ней. Однако следственные органы это оценивают прямолинейно как поддержку. Это ж всё-таки "like"...

Более того, в если в настройках вашего аккаунта в разделе «конфиденциальность» активирована функция, чтобы ваш лайк отображался в лентах ваших друзей, в этом случае, вы также будете считаться распространителем информации. Сейчас под каждой публикацией в СМИ отображается кнопка «Лайк». Если вы на неё нажимаете, то эта публикация отображается в вашей ленте новостей. Вы снова являетесь распространителем информации, и будете нести за это ответственность.

Если кто-то опубликует проблемный с правовой точки зрения текст на вашей странице, вы не будете нести за него ответственность, если докажете, что вы его не видели. Как понимаете, сделать это будет непросто. Если вы видели, и не удалили, то будете нести ответственность. Если вы видели, не лайкнули, не удалили, но участвуете в дискуссии, которая началась по этим текстом, значит, вы это видели.

Проблема третья – отметки на фото или в посте, когда кто-то публикует фотографию, пишет пост и отмечает вас в ней (так называемые тэги). Если вы не удалили публикацию с меткой у себя в ленте в Фейсбуке, подтвердили её ВКонтакте, то вы несёте такую же ответственность как и первоисточник. В настройках аккаунта можно запретить указывать вас в публикациях – об этом многие не знают. Однако

незнание, как известно, не освобождает от ответственности. Если вы будете утверждать, что не разбираетесь в настройках соцсетей, не факт, что это освободит вас от ответственности.

При такой тенденции всё запретить, при излишне ограничительном подходе к правовому регулированию информационного обмена, в первую очередь в Интернете, без учета специфики соцсетей, современной динамики обмена информацией, роли блогеров, во многом заменивших собою прессу, нас фактически загоняют в информационную резервацию — не комментировать, не "лайкать" проблемные тексты, не дискутировать на острые темы, а то и вообще в соцсетях не регистрироваться и читать Большую Советскую Энциклопедию. Пришла пора вспоминать Эзопов язык...

<http://360n.ru/news/interview/51104-galina-arapova-uzhestochenie-zakonodatelstva-v-sfere-smi-eto-katastrofa>